

Глава 16. Первый дубль

Сцены, где от актёра требовалось лишь выгодно смотреться в кадре, никогда не вызывали у Линь Ина ни малейшего беспокойства. Да и дело было не только во внешности — у него имелся настоящий талант. Даже самую проходную, плоскую роль он умудрялся подать так, словно за плечами его персонажа крылась глубокая, полная тайн личная драма. Режиссёрская группа, вспомнив недавнее напутствие босса, мысленно признала его правоту: у директора Му определенно было потрясающее чутьё на таланты.

Пока что Линь Ин не замечал в этом проекте никаких изнурительных подводных камней. И всё же Русалка вряд ли стал бы рисковать собственной конспирацией ради пустяковой роли. Тут явно крылось нечто большее. Впрочем, до разгадки оставалось ещё как минимум полмесяца.

— Менеджер Ян, если я подпишусь на этот проект, то от тех сценариев придётся отказаться, — нарочно пожаловался Линь Ин. На самом деле он вполне мог совместить съёмки, но ему просто хотелось подразнить Му И.

Тот, однако, воспринял слова всерьёз и на мгновение задумался.

— Если ты не способен потянуть даже такую нагрузку, — сухо отозвался Му И, — то как собираешься заставить меня, твоего личного ассистента, устраивать нагоняи на съёмочной площадке?

Линь Ин весело расхохотался.

— Ладно-ладно! Ради такого зрелища я готов вкалывать до седьмого пота. Надо же как-то семью кормить.

Му И остался бесстрастным, но в его глазах промелькнул интерес.

— Почему ты никогда не рассказываешь о родителях?

Линь Ин на секунду замялся. Прежние хозяева этого тела давно отреклись от сына, посчитав его мечты об актёрстве глупой блажью — особенно после того, как он втайне от всех поступил в Пекинскую киноакадемию. Став новым владельцем тела, он исправно отсылал им половину заработанного, помогая оплачивать жильё, но восстановить общение так и не решился.

— Вот прославлюсь — тогда и вернусь, — тихо ответил он и замолчал.

В прошлой жизни он рос сиротой после автокатастрофы, ненужным подкидышем, которого родственники шпыняли из угла в угол. В этой жизни семья у него вроде бы и была, но порог родного дома оставался закрытым. Видимо, такова судьба.

Му И был в общих чертах знаком с его биографией, но не думал, что разрыв с близкими ранил Линь Ина так глубоко. Сказать было нечего, и в салоне автомобиля воцарилось тяжёлое молчание.

К тренировочной базе они подъехали как раз к обеду. Помощник инструктора Гуна, завидев их машину, шумно выдохнул — наконец-то вернулись. Хотя за Линь Ином по пятам следовали операторы шоу, его привычка ускользать из-под прицела камер держала всех в постоянном напряжении. Помощник всерьёз опасался, что парень сорвётся и пустит насмарку все многомесячные изнурительные тренировки. Но когда он заметил, что оператора в машине нет, его сердце снова ушло в пятки.

— Линь Ин! Сознawайся, согрешил по дороге? Нарушил диету? — с ходу напустился на него помощник.

Линь Ин даже растерялся от такого напора. Подобные вопросы скорее подошли бы ревливой супруге — или, в крайнем случае, Му И, — но уж точно не этому суетливому парню.

— Клянусь вон тем фонарём — ни крошки в рот не взял! — Линь Ин комично вскинул руку, указывая на светящееся вдали окно столовой. — Видишь? Горит, не гаснет. Значит, не вру!

Помощник, конечно, и сам понимал, что Линь Ин не станет нарушать режим, но профессиональная тревожность требовала официального ответа. Му И, как раз выходявший из машины, невольно проследил за жестом актёра. И надо же было такому случиться: именно в эту секунду свет в столовой разом погас.

Линь Ин мгновенно отдёргнул руку, словно обжёгся. Помощник изумленно посмотрел на него с немим обвинением, а он, не теряя ни секунды, схватил Му И за запястье и припустил прочь.

— Господи, и как только инструктор Гун его терпит? — тяжело дыша, пробормотал Линь Ин, когда они отбежали на безопасное расстояние. Он прижал ладонь к груди, пытаясь унять колотящееся сердце. — Не парень, а ворчливая насадка. От его нотаций уже дёргается глаз.

Му И попытался высвободить запястье, но хватка Линь Ина оказалась железной.

— Отпусти.

Вместо этого Линь Ин лишь крепче сжал его пальцы.

— Ой, бес попутал, от страха совсем позабыл. Не сердитесь, менеджер Ян, — хмыкнул он, лукаво посмотрев на него. В конце концов, им уже доводилось касаться друг друга и более интимно.

Му И прекрасно понял этот намёк. Он раздраженно посмотрел на него, но на бледных щеках

выступил едва заметный румянец. Если бы не уродливая причёска и дурацкие очки, скрывавшие половину лица, его смущение выглядело бы невероятно соблазнительно.

Во второй половине дня, во время занятий по дефиле, инструктор Гун поинтересовался, как прошли пробы.

Линь Ин самоуверенно улыбнулся:

— Вы сомневаетесь во мне, шеф?

Гун Хунчан коротко шлёпнул его деревянной указкой по лопаткам, заставляя выпрямиться.

— Жалею только, что такую физиономию придётся уродовать гримом.

— Ну, может, режиссёр впечатлится моей неземной красотой и перепишет сценарий под красавчика? — Линь Ин шутливо поморщился от удара. — Хотя мне тоже лица жалко, скрывать не стану.

— Самовлюблённость — это болезнь, и её надо лечить, — донёсся с соседнего коврика приглушённый голос Ци Дайюя, который как раз пытался удержать равновесие.

Стоявший рядом инструктор Лин Юй легонько хлопнул его по плечу.

— Разговоры в строю! Всем закрыть рты и сосредоточиться на дыхании!

В зале мгновенно воцарилась тишина, нарушаемая лишь тяжёлым, прерывистым сопением измученных тренировкой парней.

Три дня спустя начались съёмки фильма режиссёра Лу Даминя. Очевидно, съёмочную группу предупредили заранее: график перекроили так, чтобы отснять все эпизоды с участием Линь Ина за один заход. Исполнитель главной роли, раздосадованный столь внезапными изменениями в расписании, расхаживал по площадке мрачнее тучи. Впрочем, его недовольная мина как нельзя лучше подходила для сцены с несправедливо осуждённым героем, только что брошенным за решётку.

— Привет, Линь Ин. Надеюсь на хорошую совместную работу, — вежливо обратился к нему партнёр по сцене.

— Взаимно, Ван Мин, — отозвался Линь Ин.

Поначалу это имя ничего ему не сказало, но стоило бросить взгляд на крутившегося неподалёку ассистента — того самого, что когда-то работал на него в компании «Звёздное восхищение», — как в памяти мгновенно всплыли старые обиды.

«Мне определённо стоит купить лотерейный билет, — подумал Линь Ин. — Какая ирония: второй раз в жизни мне приходится играть изувеченного бедолагу, и оба раза на площадке присутствует этот тип».

К счастью, на сей раз уродовать лицо прямо в кадре не планировалось, иначе его точно передёрнуло бы от дурных предчувствий.

Декорации с поразительной точностью воссоздавали душную, грязную темницу. На грим ушло больше трёх часов. Теперь Линь Ин, облачённый в рваное рубище, сидел прямо на земляном полу, привалившись спиной к шершавой стене. Когда стражники втащили в камеру главного героя, он даже не повёл бровью. Он смотрел пусто и безразлично.

— Не надрывайся. Здесь тебя никто не услышит, — хрипло проговорил узник, наблюдая за тщетными попытками новенького докричаться до конвоиров. — За что тебя сюда?

— Я ни в чём не виноват! — яростно выкрикнул юноша.

Несправедливость ареста, ужас перед неизвестностью и гнетущий вид сокамерника — всё это переполнило чашу терпения молодого героя, заставив его сорваться на крик.

— Ха, невинный... — старик издал сухой, надтреснутый смешок. — Здесь у каждого первого душа чиста как слеза, грешников днём с огнём не сыщешь.

Узник попытался переползти на другое место, но он едва мог двигаться из-за покалеченных ног. Каждое движение давалось ему с видимым трудом. Заметив его мучения, юноша бросился на помощь.

— Позвольте, я помогу. Что вам нужно?

Старик лишь покачал головой.

— Сам еле на ногах держишься, а всё туда же — благодетель. Думаешь, тебе самому тут кто-то поможет?

Взглянув на опешившего парня, узник горько усмехнулся. Лицо исказилось из-за натянувшегося шрама. Не дожидаясь ответа, он медленно, сантиметр за сантиметром, уполз в самый тёмный угол камеры.

— Снято! — зычно скомандовал режиссёр Чэнь Чэн. — Ван Мин, марш переодеваться. Стражники, приготовиться к выходу! Линь Ин, тебе нужно освежить грим.

Гримёр бережно стёрла копоть вокруг глаз Линь Ина — в следующем кадре планировался крупный план, и его глаза должны были блестеть от подступающих слёз. Нанесение на спину бутафорского следа от раскалённого клейма потребовало немало времени. Всё это время Линь Ин сидел неподвижно и молча, чтобы не испортить сложный пластический грим на лице. Девушка-гримёр лишь восхищённо вздыхала про себя: этот новичок обладал поистине ангельским терпением и профессионализмом.

— А-а-а-ах! — истошный, полный агонии вопль разорвал тишину подземелья.

Раскалённое железо с шипением въелось в плоть на спине узника. Он заплакал, и слёзы прочертили две чистые дорожки на покрытом грязью и копотью лице.

— Развязал бы язык пораньше, давно бы уже чистеньким ходил, — сплюнул стражник, небрежно бросая остывающее клеймо обратно в угли. — И нам бы не пришлось торчать в этой сырости каждые три дня, выбивая из тебя дурь.

— Да я ведь... тоже... каждые три дня пою вам одну и ту же песню, — сквозь зубы прохрипел старик. Его голос дрожал от невыносимой боли, но в нём всё равно отчётливо слышалась издевка. — Все мы устали. Не находишь, служивый?

Конвоиры невольно переглянулись, ощутив лёгкий холодок между лопатками. Этот старик был ходячей загадкой: когда его пытали, он орал так, что закладывало уши, но стоило палачам остановиться, как он вновь превращался в несокрушимую скалу и ни слова не говорил по делу.

Стражники бесцеремонно швырнули полуживое тело обратно в камеру. Молодой узник долго смотрел, как старик, преодолевая боль, пытался отползти от порога. Юноша непроизвольно дернул рукой, желая помочь, но он тут же заставил себя отвернуться.

— Хе-хе... — раздался из угла тихий смешок. — Я, конечно, далеко не святой. Но во мне ещё теплится то, что может тебе пригодиться. Если сейчас трусишь и отвернёшься — не боишься потом всю жизнь локти кусать?

Договорив, старик бессильно откинулся на холодные камни. Лицо его осунулось, плечи мелко дрожали от озноба. Юноша не выдержал. Оторвав лоскут от своей относительно чистой робы, он зачерпнул из лохани немного мутной воды и принялся осторожно промывать кровоточащую спину сокамерника. Благодарности он, разумеется, не дождался — старик лишь презрительно фыркнул под нос.

С этого дня старик начал учить юношу. Его наставления касались всего: от тонкостей человеческой натуры до канонических трактатов. С изумлением молодой человек понял, что судьба свела его с величайшим учёным-мудрецом ушедшей эпохи. Парень едва сдерживал

любопытство, сгорая от желания узнать, как столь великий муж оказался на самом дне этого каменного мешка, но так и не решился спросить напрямую.

Время шло. Истязания повторялись с пугающей регулярностью, и в конце концов ноги старца окончательно отнялись. Его лицо обросло грязной щетиной и покрылось сеткой глубоких багровых рубцов. О молодом узнике, казалось, все забыли — никто из тюремщиков не придавал значения его существованию, и лишь благодаря ежедневным суровым урокам наставника он постепенно осознавал ошибки своей прошлой, беззаботной жизни.

— Учитель, вы ведь великий мудрец, созидатель... Откуда же вам ведомо столько изощрённой низости и коварства, на которые способны люди? — однажды спросил юноша, потрясённый очередным уроком жизненной мудрости.

— Тебе не по душе мои речи? Что ж, не нравится — не слушай! — вспылил старик. Было очевидно, что прошлые раны до сих пор кровоточили в его душе.

Парень испуганно залепетал извинения. Ему пришлось долго и униженно вымаливать прощение, прежде чем суровый учитель сменил гнев на милость и продолжил рассказ.

Миновало три года. Силы старого наставника таяли на глазах. Понимая, что его дни сочтены, они вдвоём разработали план побега для юноши. Подкупив тюремного лекаря, старик доверил ученику государственную тайну колоссальной важности.

— Учитель... А если я предам вас? Если продам этот секрет за золото и тёплое место при дворе? — спросил юноша, заучив самый сложный шифр слово в слово.

— Если поступишь так — значит, я оказался слепцом, не умеющим отличать людей от свиней, — хрипло отозвался старик. Силы покидали его, голос звучал едва слышно, но во взгляде по-прежнему горел упрямый огонь. — И тогда забудь, что когда-то звал меня учителем.

Спустя два дня у молодого узника начался сильнейший приступ притворного безумия и судорог. Охранники, не подозревавшие о сговоре с лекарем, без лишних вопросов вывели его за ворота тюрьмы — за эти три года парень никому не сдался, и его судьба мало кого волновала.

После очередной жестокой пытки тюремщик, устало покачивая окровавленной плетью, подошёл к полумёртвому старику.

— Что-то ты сегодня притих, старый пёс. Дух выпускаешь?

— Я просто... думал... — едва ворочая языком, выдавил старик. — Столько лет... я хранил верность одной глупой клятве. И ради чего? Оно того не стоило...

Тюремщик так и застыл с поднятой плетью. На его грубом лице отразилась хищная радость.

— Неужто заговорить решил?

Старик едва заметно кивнул.

— Подойди ближе... Скажу только тебе. С этим секретом ты до конца дней своих будешь купаться в золоте...

Потерявший бдительность стражник жадно прильнул ухом к его губам. В то же мгновение старик мёртвой хваткой вцепился зубами в его ухо. Заорав от боли, палач в ярости рванулся назад и наотмашь нанёс удар рукоятью плети прямо по горлу узника.

Хлынула кровь. Но старик лишь беззвучно, торжествующе хохотал, захлёбываясь собственной кровью.

— Буду... ждать вас... в преисподней! — прохрипел он.

Он замер с безжизненно откинутой назад головой и широко распахнутыми глазами, застывшими в страшном, безумном экстазе. Яркий белый луч прожектора выхватил из темноты это жуткое зрелище: багровая кровь, текущая по мертвенно-бледной коже, и оскал торжествующего покойника.

Режиссёр Лу Дамин заворожённо смотрел в монитор, совершенно позабыв скомандовать «стоп». Линь Ин продолжал неподвижно лежать, удерживая страшную гримасу смерти. В этот момент в павильон зашёл молодой разнорабочий. Взглянув на сцену, парень испуганно отшатнулся и взвизгнул:

— Мама дорогая!

— Стоп! Снято! — наконец очнулся Чэнь Чэн и тут же расвирепел: — Кто там орёт?! Вы что, не видите — у нас тут таинство кино происходит!

Линь Ин облегчённо выдохнул и расслабил затекшие мышцы, выходя из образа лесного демона. Подбежавшая гримёрша дрожащими руками помогла ему подняться и повела в гримёрную.

— Красавица, поаккуратнее, лицо-то у меня всё-таки одно, хоть на нём сейчас и тонна силикона, — пошутил Линь Ин, видя её волнение.

— Пожалуйста, помолчи секунду, — умоляюще прошептала девушка, пытаясь унять дрожь в пальцах. — Мне нужно перевести дух. Это было чертовски жутко.

Линь Ин послушно затих и лишь весело подмигнул сидевшему в углу оператору реалити-шоу. Тот не присутствовал в самом павильоне во время съёмки, но одного взгляда на этот кошмарный грим ему хватило, чтобы оценить весь масштаб таланта Линь Ина.

После того как грим полностью сняли, Линь Ин вышел на площадку. Чэнь Чэн по-прежнему сидел перед монитором, раз за разом пересматривая отснятый материал, и тормозил оператора:

— Поверить не могу... Всё действительно снято с одного дубля? Без единой помарки? Как такое возможно?

— Если сомневаешься, давай снимем ещё один дубль, — лениво отозвался уставший оператор.

— Ага, за твой счёт! Утверждено! — отрезал режиссёр.

Эта фраза означала, что сегодняшняя смена завершена. И только теперь у всех присутствующих разом заурчало в животах. Команда непрерывно работала с восьми утра до четырёх часов дня, совершенно позабыв про обед. Чэнь Чэн щедро махнул рукой, объявив, что вся честная компания отправляется в соседнюю кантонскую чайную — сперва перекусить, а там уже плавно перейти и к ужину.

Проводив взглядом ликующую толпу, Линь Ин заговорщически шепнул своему оператору:

— Нам лучше уйти прямо сейчас, пока не началось всеобщее веселье. Иначе нас отсюда до утра не выпустят.

Оператор молча и с глубоким пониманием кивнул. Уж он-то за годы работы в индустрии прекрасно знал, чем заканчиваются столь триумфальные съёмки в один дубль. Не привлекая лишнего внимания, они незаметно выскользнули через чёрный ход.

Прямо у порога их ждал Му И, держащий в руках аккуратный ланч-бокс.

— О, мой спаситель! — восторженно воскликнул Линь Ин. — Откуда ты узнал, что я выберу именно эту дверь?

Он нетерпеливо приоткрыл крышку коробки: внутри лежали аккуратно нарезанные кусочки свежих овощей и сочных фруктов. Максимально полезно, диетически сбалансировано — и совершенно безвкусно.

— Твой строгий рацион нарушать нельзя, — мягко улыбнулся Му И, заметив, как вытянулось лицо актёра.

Линь Ин лишь многозначительно повёл бровью. Пока рядом крутился оператор с включённой камерой, отпускать двусмысленные шуточки не стоило. Но ничего, вот вернутся они в общежитие, где не будет никаких лишних глаз... Уж тогда-то он своего не упустит.

<http://bllate.org/book/20457/2149344>